This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

DB
919.2
.R9
T32
1874a

B 873,985

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN

УГОРСКАЯ РУСЬ

И ВОЗРОЖДЕНІЕ СОЗНАНІЯ НАРОДНОСТИ

МЕЖДУ РУССКИМИ ВЪ ВЕНГРІИ.

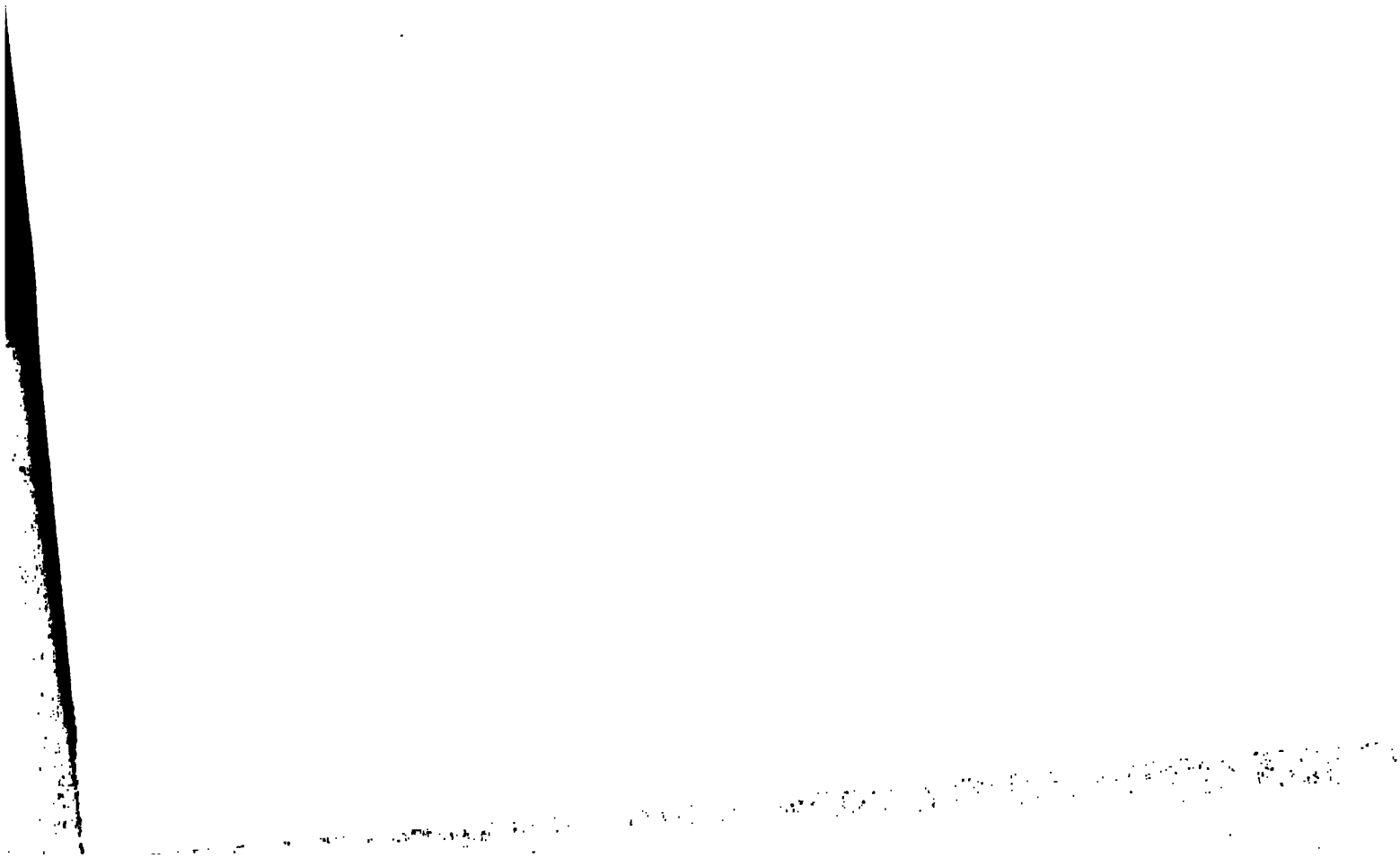
ІЕРОМОНАХА ВЛАДИМІРА ТЕРЛЕЦКАГО.

Доктора Богословія и Медицины.

Кіевъ.

Тип. С. Т. Еремѣева. Бибиковскій бульваръ собст. домъ.

1874.



УГОРСКАЯ РУСЬ

И ВОЗРОЖДЕНІЕ СОЗНАНІЯ НАРОДНОСТИ

между русскими въ Венгріи.

ІЕРОМОНАХА ВЛАДИМІРА ТЕРЛЕЦКАГО.

Доктора Богословія и Медицины.

КІЕВЪ.

Тип. С. Т. Ерофѣева, на Бибиковскомъ бульварѣ въ соб. домѣ.

1874.

DR
.R9
T32

Ч 37728

224505

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 9 Декабря 1873 года.

УГОРСКАЯ РУСЬ

и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи.

Югозападные склоны карпатскихъ горъ, въ Венгріи, населены вѣтвію русскаго народа. Откуда онъ сюда попалъ? Есть ли это отрасль древнихъ бѣло-хорватовъ, заселявшихъ въ до-историческія времена карпатскія горы, или только пришелецъ позднѣйшихъ временъ— въ точности неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, было то и другое. Особенности народнаго нарѣчія, хотя и подходящаго ближе всѣхъ къ малорусскому, благопріятствуютъ первому мнѣнію, которое подтверждаютъ тоже преданія о нашествіи мадьяръ и сраженіяхъ ихъ съ князьями русскими. Съ другой стороны несомнѣнно и то, что вмѣстѣ съ мадьярами пришло также много

русскихъ, не только изъ простонародія, но даже и знатныхъ лицъ, которые поселились у подножія карпатскихъ горъ. Это населеніе увеличилось въ послѣдствіи времени приведеннымъ, въ 1339 г. княземъ русскимъ Федоромъ Коріатовичомъ, изъ югозападной руси, именно изъ Подоліи, довольно значительнымъ отрядомъ народа и переселенцами изъ сосѣдней Галиціи. Князь этотъ, спасаясь отъ мести дяди своего, великаго князя литовскаго Ольгерда, нашелъ дружескій пріютъ у венгерскаго короля Карла I, который и надѣлилъ его пространными землями на склонахъ и у подножія Карпатовъ, заселенныхъ уже русскими.

Въ настоящее время русскій народъ занимаетъ довольно длинную, но узкую полосу сѣверовосточной части Венгріи, простирающуюся на югъ даже за рѣку Тиссу. Населяетъ онъ, болѣе сплошною массой, комитаты: ужгородскій, берегскій, угочанскій, мармарошскій, земплинскій и шаришскій; мѣстами же, между словаками, мадьярами и нѣмцами, частію и самъ уже ословаченный и омадьярившійся, живетъ въ комитатахъ: сатмарскомъ и сабольчанскомъ, въ которомъ, какъ пограничная крѣпость оберегающая народность рус-

скую, стоитъ въ мѣстечкѣ Маріа Повчь церковь, съ монастыремъ чина св. Василія В., въ которой находится прославленная во всей Венгріи чудотворная икона Божіей Матери. Дальше еще встрѣчаются русскіе въ комитатахъ: бигарскомъ, абауйварскомъ, барнодскомъ, гевешскомъ и гёмерскомъ. Всего русскаго народонаселенія въ Венгріи считаютъ приблизительно до 500,000 душъ. Мы говоримъ, приблизительно, ибо на оффиціальныя мадьярскія данныя полагаться нельзя. Онѣ составляются съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ сколь возможно болѣе выказать численность миньятюрнаго мадьярскаго населенія. При составленіи статистическихъ списковъ спрашиваютъ, напримѣръ, любаго славянина: знаетъ ли онъ по мадьярски?, и если знаетъ только нѣсколько словъ, то его зачисляютъ въ мадьяры; если же не знаетъ, спрашиваютъ его дальше: въ какомъ ты живешь орсагѣ (государствѣ)?; если отвѣтитъ, какъ тамъ обыкновенно говорятъ: въ мадьяръ-орсагѣ, то быть ему непремѣнно мадьяромъ. Надо однако прибавить, что есть уже нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ вполнѣ омадьярившихся, которые только по обряду причисляютъ-

ся къ русскимъ, по языку же и духу они мадьяре. Къ такимъ принадлежитъ большая часть русскихъ, живущихъ на равнинахъ Тиссы.

Касательно Церкви, до 1816 г. всѣ русскіе, да и значительное число румунъ, принадлежали къ одной мункачевской епархіи. Въ 1816 г. раздѣлили ее на двѣ епархіи: мункачевскую и пряшевскую. Въ пятидесятыхъ же годахъ, отъ мункачевской епархіи отняли еще ея румунскую часть, съ нѣсколькими чисто-русскими приходами замѣшавшимися между румунъ, для учрежденія новыхъ румунскихъ уніатскихъ епархій. Въ настоящее время мункачевская епархія обнимаетъ комитаты: Унгъ, Бересъ, Угочъ, Мармарошъ, Сатмаръ, Сабольчъ, Бигаръ и часть Земплина. Къ пряшевской же принадлежатъ: большая часть Земплина, Шаришъ, Спижъ, Абауй, Боршадъ, Гевешъ, Торнянскъ и Гёмеръ.

Языкъ русскихъ въ Венгріи не вездѣ одинаковъ. Вообще онъ ближе всего къ малорусскому, но есть въ немъ слова и выраженія, напоминающія и великорусскій. Отъ совершенно почти малорусскаго, въ Мармарошѣ, онъ постепенно переходитъ въ словацкій, въ частяхъ земплинскаго, шаришскаго и спижскаго комитатовъ. Это различіе въ простонародномъ нарѣчіи не мало содѣйствовало тому, что интеллигентная часть венгерской Руси такъ единодушно приняла великорусскій языкъ за свой литтературный.

Пока большая часть мадьяръ и славяне, населяющіе венгерское королевство, принадлежали греческой Церкви и даже еще нѣсколько времени послѣ обращенія ихъ въ латинство, отношенія мадьяръ къ русскимъ были самыя дружескія. Исторія свидѣтельствуетъ, что почти до конца XV столѣтія русскіе были люди вольные, не подлежащіе крѣпостному праву. Они пользовались отличнымъ уваженіемъ при королевскомъ дворѣ и составляли королевскую стражу, были королевскими тѣлохранителями. Съ XVI столѣтія, мадьяры начинаютъ вытѣснять другія народности изъ высшихъ должностей; отношенія ихъ къ русскимъ, дѣлаясь все холоднѣе, становятся притѣснительными и даже переходятъ въ гоненія. Напрасно русскіе подчинялись власти папъ римскихъ, стараясь оградить по крайней мѣрѣ свой обрядъ, устройство церковное и свою народность, принятыми Римомъ

условіями; напрасно паны давали единственному епископу русскому въ Венгріи званіе своего викарія: притѣсненія и гоненія отъ этого не прекращались. Въ глазахъ обращенныхъ въ латинство мадьяръ русскіе оставались всегда, если не вполнѣ, то на половину схизматиками, почти язычниками. Егерскіе латинскіе епископы, подъ личиною лучшаго удержанія русскихъ въ единеніи съ Римомъ, присвоили себѣ власть надъ русскою епархіею и почитали русскаго епископа своимъ викаріемъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ направляли всѣ свои усилія къ обращенію русскихъ въ латинство, въ чемъ весьма успѣли съ помощью іезуитовъ, всегда враждебныхъ всему, что только не дышетъ полнымъ ультрамонтанизмомъ. Высшая знать русская распылилась вся въ мадьярствѣ и латинствѣ. Русскіе епископы и народъ твердо отражали всѣ напасти, выпрашивали грамоты у королей и буллы у папъ, но все это или никакой или очень малую приносило имъ пользу. Такое состояніе продолжалось до послѣднихъ годовъ XVIII вѣка, до царствованія императрицы Маріи Терезіи и сына ея императора Іосифа. Чувство справедливости и благосклонность къ новонзбранному

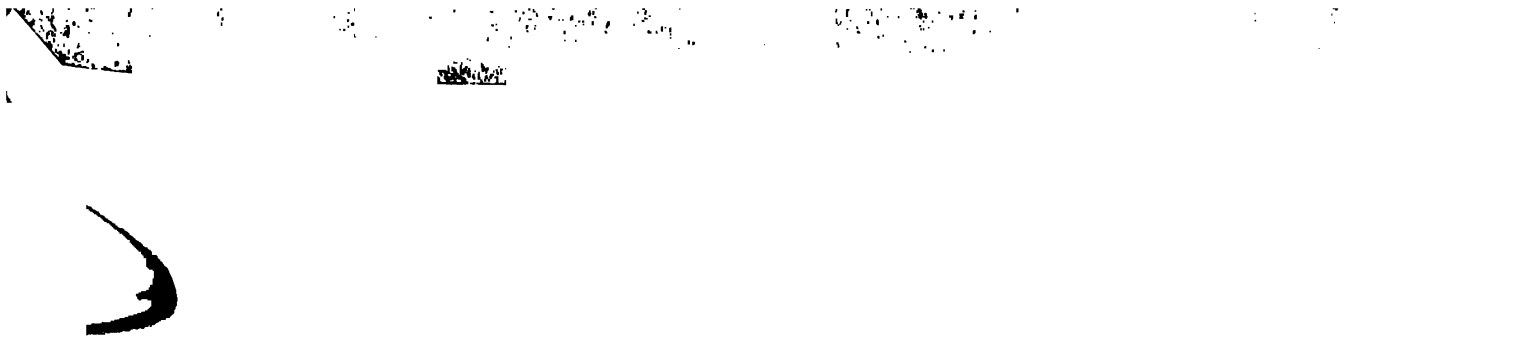
русскому епископу Андрею Бачинскому, мужу отличнаго разума и учености, побудили императрицу принять рѣшительныя мѣры; почему она учредила законную епархію мукачевскую, надѣлила епископа, капитулъ, церковь и семинарію землями и жалованьемъ, подарила поіезуитскій монастырь и церковь, да сверхъ того замокъ въ Ужгородѣ, чтобы обратить ихъ въ палаты епископскія, каѳедральный соборъ и семинарію; сравнила во всѣхъ преимуществахъ духовенство русское съ латинскимъ и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ церковныхъ, оградила русскихъ отъ притѣсненій и гоненій латинянъ. Конечно, это дало не малую поддержку и народности русской, ибо ничто такъ не поддерживаетъ народность, какъ народная Церковь. Въ слѣдствіе этой царской милости, русская мукачевская епархія сдѣлалась независимою отъ іерарховъ латинскихъ, по крайней мѣрѣ прекратились ихъ непосредственныя вмѣшательства въ дѣла этой епархіи. На политическія отношенія однако очень мало повліяла эта мѣра. Вся знать русская давно уже перешла въ латинство и затѣмъ въ мадьярство. Осталось немногочис-

ленное мелкое дворянство (немени), пользующееся только привилегіями этого сословія, въ прочемъ же ничѣмъ неотличающееся отъ крестьянъ, и духовенство сравненное въ привилегіяхъ съ дворянствомъ. Но скудныя средства тѣхъ и другихъ не позволяли имъ давать высшаго образованія своимъ дѣтямъ; да если кто изъ нихъ и добивался какимъ либо способомъ образованія, то ему надо было скрывать свое русское происхожденіе и принимать личину мадьяра и латинянина. Русскому по народности и церкви даже самое низкое чиновничество было недоступно. Сельскій же народъ, давно уже впряженный въ иго крѣпостнаго права не имѣлъ даже доступа въ храмъ образованія.

Не смотря на это, мадьяризація русскихъ, равно и прочихъ славянъ подчиненныхъ коронѣ св. Стефана, не могла до послѣднихъ временъ дѣлать слишкомъ большихъ успѣховъ, уже и потому, что вопросъ народностей не былъ еще возбужденъ, а мадьяры не были еще до такой степени проникнуты духомъ нетерпимости, которую только подъ конецъ минувшаго вѣка началъ въ нихъ разжигать извѣстный ихъ писатель Сечени. До двадцатыхъ почти го-

довъ настоящаго вѣка науки и политика стояли, такъ сказать, на нейтральной почвѣ. Языкъ преподавательный во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ перваго класса, языкъ дипломатическій, судебный и административный былъ нейтральный, латинскій, чѣмъ отстранялся перевѣсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущество одного изъ многихъ, употребляемыхъ въ Венгріи, языковъ надъ другими, такъ что сохранялся между ними нѣкоторый родъ равноправности.

Въ первой половинѣ настоящаго вѣка мадьярскій элементъ выступаетъ на первый планъ, быстро развиваетъ свою литературу и получаетъ нравственный перевѣсъ надъ всѣми другими народностями. Языкъ мадьярскій мало по малу проникаетъ въ администрацію, въ суды и даже въ школы. Только мадьяръ считается »ember«, т. е. человѣкъ; лица же прочихъ народностей: русскіе, словаки, сербы, румуны, не ember'ы, т. е. не люди. Революція 1849 г. еще болѣе распалятъ тщеславіе и властолюбіе мадьяръ, а вооруженное возстаніе ихъ сограждан другихъ народностей, для защиты престола габсбурскаго дома, окончательно раздражило ихъ самолюбіе. Но эта же самая революція и

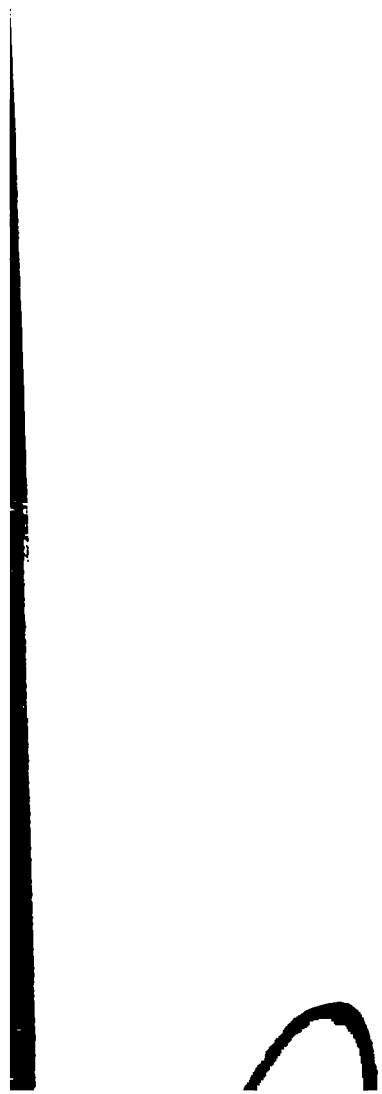


вооруженныя движенія славянъ, румуновъ и нѣмцевъ противу мадьяръ, пробудили вмѣстѣ и въ славянахъ дремавшее до сего времени чувство народности; чему еще много содѣйствовало вступленіе русскихъ войскъ въ Венгрію и покореніе ими мадьяръ. Это же движеніе пробудило и русскихъ въ Венгріи отъ ихъ вѣковаго летаргическаго сна, и они начали заявлять народную свою жизнь.

Послѣ усмиренія русскими мадьярской революціи, всегда двуличное австрійское правительство, въ отмщеніе мадьярамъ, стало притворно покровительствовать немадьярскимъ народностямъ Венгріи, въ томъ числѣ и русскимъ; данныя льготы были незначительны, но и этого было довольно, чтобъ и въ русскихъ пробудить народное чувство. Многіе изъ нихъ успѣли тогда получить высшее образованіе, занять многія должности въ государственной службѣ и даже высшія мѣста, и многіе изъ нихъ остались вѣрными своей народности и церкви и сдѣлались усердными ихъ поборниками. Уничтоженіе крѣпостнаго права дало возможность просвѣщенію проникать, хотя и медленно, въ массу простонародія. Не смотря на бѣдность этой

массы, живущей большею частью на склонахъ Карпатовъ, во многихъ мѣстахъ были учреждены двуклассныя училища и повторительные воскресные классы для взрослыхъ, въ прочихъ же мѣстностяхъ, дьячки стали вмѣстѣ и учителями, иногда даже хорошими; такимъ образомъ русская грамотность, а вмѣстѣ съ нею и чувство народности стали распространяться и по деревнямъ; но лежащіе среди русскаго населенія города, омадьярившіеся въ прежнее время, не только не поддались этому вліянію духа народнаго, но еще и по нынѣ остаются разсадниками мадьярства.

Благосклонность австрійскаго правительства къ русскимъ продолжалась однако не долго. Стремясь всегда подчинить нѣмцамъ всѣ народности имперіи и, подъ предлогомъ цивилизаціи германизовать ихъ, оно втайнѣ признавало мадьяровъ, подражающихъ ему, въ Венгріи, своими союзниками. Мадьяръ, этого незначительнаго народа, безъ всякаго родства въ мірѣ и объятаго моремъ славянства, опасаться было нечего; нѣмецкій *дранъ нахъ остенъ* (Drang nach Osten) могъ безъ большаго затрудненія поладить съ ними. Покровитель-



ство, заявленное немадьярскимъ народностямъ, составляло лишь угрозу мадьярамъ, и не что иное, какъ средство привлечь ихъ на свою сторону. Потому австрійское правительство, жестоко наказавъ мадьяръ въ первыхъ порывахъ гнѣва и мести, вдругъ, какъ бы опомнившись, стало кокетничать съ ними и отдавать имъ на произволъ немадьярскія народности, составляющія значительное большинство населенія Венгріи. Какъ избалованному ребенку отдаютъ игрушку, такъ въ 1861 году австрійское правительство сдѣлало мадьярамъ громадныя уступки, которыми однакожъ они не удовольствовались, почувствовавъ, что обстоятельства дѣлаютъ ихъ необходимымъ звеномъ въ стремленіи нѣмцевъ германизовать славянъ. Погромъ Садовы былъ торжествомъ мадьяръ, онъ рѣшилъ ихъ судьбу. Выписанный изъ-за границы дипломатъ, иностранецъ Бейстъ, принялъ въ свои руки правленіе судьбами Австріи, этого, не менѣе Турціи, больнаго человѣка, и своимъ тевтонскимъ врачеваніемъ втолкнулъ ее въ состояніе неисцѣлимое, ведущее, хотя и медленно, къ полному растлѣнію. Онъ придумалъ знаменитый дуализмъ или, точнѣе сказать, неполный тріа-

лизмъ, которымъ одну половину цисъ-трансъ-лейтанской имперіи отдалъ на жертву германизаціи, другую же половину въ жертву мадьяризаціи, за исключеніемъ Галиціи, въ которой русскіе обречены на жертву полякамъ, придерживая однакожъ и сихъ послѣднихъ немножко на уздѣ, чтобъ они служили лишь, какъ средство, для достиженія дальнѣйшихъ германскихъ плановъ. Бейстъ очевидно разсчитывалъ на близорукость поляковъ и ихъ готовность служить всѣмъ богамъ, чтобы только какъ-нибудь задѣть Россію, и въ этомъ великій дипломатъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Сей благодѣтель мадьяровъ очень скоро испыталъ ихъ благодарность: они подкопали его, и ссадили съ предсѣдательскаго въ министерствѣ кресла, въ которомъ ему такъ хорошо сидѣлось.

Еще епископъ Бачинскій покушался было пробудить народную жизнь въ русскихъ, живущихъ въ Венгріи; онъ желалъ (какъ онъ писалъ одному своему родственнику), чтобъ священники обучались тому русскому языку, патріархомъ котораго былъ Ломоносовъ. Въ учрежденной по его ходатайству семинаріи

все богослоніе читалось на русскомъ языкѣ, на томъ же языкѣ велась корреспонденція епископской канцеляріи и консисторіи съ епархіальнымъ духовенствомъ. Но попытка эта не могла имѣть тогда большаго успѣха, ибо народъ былъ еще подъ крѣпостнымъ правомъ, священники же не получали еще жалованья отъ казны и, питаясь только подаяніями христіанъ, едва, едва имѣли насущный хлѣбъ, и высшаго образованія дѣтямъ своимъ давать не могли. При Алексѣѣ Новчѣ, второмъ послѣ Бачинскаго, епископѣ мункачевскомъ было отмѣнено всѣ, что могло поощрять развитіе русской народности. Въ семинаріи русскій преподавательный языкъ замѣненъ латинскимъ, который замѣнялъ тоже и всю епархіальную русскую корреспонденцію. Такимъ образомъ, истинное возрожденіе народнаго русскаго духа въ Венгріи надо отнесть только къ 1848 г.

Здѣсь, въ опроверженіе заранѣе и, разъ на всегда, всякихъ подозрѣній и клеветъ относительно мнимыхъ политическихъ будто бы стремленій поборниковъ русской народности въ Венгріи и Галиціи къ сліянію съ Россіей, которыми такъ щедро ихъ клеймили и клеймятъ поляки,

мадьяры и нѣмцы, эти враги всего русскаго; мы, какъ знающіе близко и въ лицо всѣхъ этихъ поборниковъ, мы должны громко и вслухъ всѣмъ заявить: что никто изъ нихъ никогда не измѣнилъ чувству вѣрноподданства правительству, подъ которымъ судьба заставила ихъ жить. Они не скрывали никогда своего сочувствія къ Россіи, какъ къ единоплеменному и единовѣрному государству, но никогда не задумывали какихъ-либо политическихъ переворотовъ, не дѣлали никакихъ заговоровъ. Если же нѣкоторые изъ нихъ искали и ищутъ убѣжища въ Россіи, то рѣшились на это только вслѣдствіе крайнихъ притѣсненій и гоненій, какимъ подвергались въ своей странѣ.

Первымъ народнымъ русскимъ дѣятелемъ этого времени является Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Сынъ священника пряшевской епархіи, онъ родился въ 1817 г.; отъ природы надѣленный чрезвычайными дарованіями и еще съ дѣтства пропитанный духомъ русскимъ, по окончаніи курса гимназіи, онъ съ отличіемъ изучалъ юридическія науки въ егерской юридической школѣ, и послѣ съ такимъ же успѣхомъ довершилъ свое научное образованіе въ щавниц-

кой горной академіи. По поступленіи его въ государственную службу, замѣчательныя его способности привлекли на него вниманіе правительства. По въ 1848 г. гонимый мадьярами, какъ извѣстный уже русскій патріотъ, онъ бѣжалъ въ Галицію, откуда возвратился въ Венгрію только съ русскими войсками, вступившими туда въ 1849 г. Правительство австрійское назначило его, какъ знающаго русскій, нѣмецкій и мадьярскій языки, интендантскимъ цесарскимъ коммиссаромъ при русскихъ войскахъ. При сложеніи оружія войсками Гёргея, Адольфъ Ивановичъ какъ императорскій коммиссаръ представлялъ лице австрійскаго императора. Съ этого времени начинается его политическая дѣятельность. По его внушенію и подъ его руководствомъ, русскіе Венгріи отправили въ 1849 г. депутацію къ императору Францу Іосифу, которую министры и самъ императоръ приняли весьма благосклонно и обѣщали удовлетворить желаніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ поданномъ депутаціею прошеніи. Эти желанія были: раздѣленіе комитатовъ по народностямъ, введеніе русскаго языка въ народныя школы, учрежденіе рус-

скихъ гимназій, юридическаго русскаго лицея въ Ужгородѣ и русскаго университета въ Львовѣ, допущеніе русскихъ въ административныя и судебныя должности и пр. Правительство патетически увѣряло депутацію, что подъ крылами австрійскаго двуглаваго орла народность русская будетъ свободно развиваться въ Австріи; но въ дѣйствительности оно совсѣмъ не думало исполнить требованія русскихъ; оно только хотѣло польстить имъ и въ случаѣ надобности ими воспользоваться; тѣмъ не менѣе всё это хорошо подѣйствовало на русскихъ, ободрило ихъ духъ, оживило надежды. Въ назначеніи Адольфа Ивановича Надзупаномъ 4-хъ комитатовъ населенныхъ русскими, данномъ ему въ скоромъ времени послѣ пріема депутаціи, они видѣли залогъ искренняго доброжелательства правительства. Такимъ образомъ Ужгородъ, гдѣ поселился новый Надзупанъ, сдѣлался средоточіемъ народной русской дѣятельности, которой споспѣшествовалъ и проживавшій тамъ русскій мукачевскій епископъ Василій Поповичъ.

Поповичъ, родомъ тоже изъ пряшевской епархіи, умный и твердаго характера, бывши

еще священникомъ и секретаремъ престарѣлаго перваго пряшевскаго епископа Таркови-ча, управлялъ пряшевскою епархіей. Затѣмъ сверхъ ожиданія всѣхъ, былъ онъ возведенъ въ санъ епископа мункачевскаго въ сороковыхъ годахъ. Увлеченный призракомъ свободы мадьярскаго движенія 1849 г., онъ примкнулъ къ нему довольно откровенно, и навѣрное поплатился бы отрѣшеніемъ отъ епархіи, подобно другимъ епископамъ не больше его заявившимъ сочувствія революціи, если бы не нашелъ сильнаго заступничества въ главнокомандующемъ русскими войсками. Тѣмъ не менѣе, правительство австрійское, всегда очень подозрительное, никогда не забывающее и не прощающее вполнѣ, не только преступленій, но даже заблужденій и увлеченій, отрѣшило его на нѣсколько мѣсяцевъ отъ должности и назначило слѣдственную коммиссію. Въ члены этой коммиссіи былъ назначенъ тоже А. П. Добрянскій, и по его преимущественно старанію Поповичъ былъ оправданъ. Съ того времени онъ сталъ искренно содѣйствовать развитію народнаго русскаго духа. Въ преподаваніе въ семинаріи богословія онъ ввелъ опять, кажется, по совѣту

Добрянскаго, языкъ русскій, который не могъ однакожъ долго устоять противъ натиска могущественной въ Венгріи латинской іерархіи, поддерживаемой правительствомъ, и удержался только въ епархіальной корреспонденціи. Самую большую пользу сдѣлалъ Поповичъ русскому дѣлу тѣмъ, что значительную часть семинарскихъ стипендій опредѣлялъ на образованіе русской молодежи въ пештскомъ университетѣ, и такимъ образомъ содѣйствовалъ образованію свѣтской русской интеллигенціи.

Въ тоже время, какъ усердный поборникъ русской народности, является каноникъ пряшевскаго капитула Александръ Духновичъ (уже умершій). Онъ производилъ свой родъ изъ Россіи, отъ князей Черкасскихъ, изъ коихъ одинъ, будто-бы замѣшанный въ стрѣлецкомъ бунтѣ при Петрѣ Великомъ, бѣжалъ въ Венгрію и, перемѣнивъ фамилію, женился, и былъ рукоположенъ во священническій санъ. Духновичъ, трудолюбивый и не безъ дарованій, началъ въ кружкѣ молодыхъ священниковъ и мірянъ, примкнувшихъ къ нему и величавшихъ его именемъ *„батька,“* пробуждать чувство русской народности, за что претерпѣлъ въ 1849 г.

отъ мадьяръ жестокія гоненія. Его предали суду и тащили верстъ 30 пѣшкомъ подъ карауломъ изъ Пряшева въ Кошицы. Но это не охладило усердія его къ народному дѣлу. Духновичъ писалъ въ духѣ патріотическомъ русскомъ стихи, которые хотя и не отличаются высокою поэзіей, но русскими Венгріи принимались съ восторгомъ. Одна его пѣсня сдѣлалась какъ бы народнымъ гимномъ венгерской Руси; она поется вездѣ, гдѣ только соберется небольшой кружокъ русскихъ людей и перешла въ простой народъ. Вотъ первыя строки ея:

Я русинъ былъ, есьмь и буду,
Я родился русиномъ!
Русскій родъ мой не забуду,
Останусь его сыномъ.
Я родился подъ Пескидомъ,
Воздухъ русскій я сосалъ;
Я кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ меня колисалъ.
Русинъ былъ мой отецъ, маты,
Русская вся родина,
Русины сестры и браты
И широка дружина.
и проч.

Духновичъ составилъ и издалъ первый русскій букварь въ Венгріи; въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ издавалъ русскіе календари, въ которыхъ помѣщалъ статьи съ полезными для народа свѣдѣніями; онъ составилъ первую краткую русскую грамматику, издалъ педагогику, собиралъ народныя пѣсни, и воодушевлялъ всю страну русскимъ духомъ. Если принять во вниманіе затрудненія, какія встрѣчались тогда въ Венгріи при изученіи русскаго языка, къ чему не было тамъ никакихъ пособій, да еще малочисленность читающей по русски публики, такъ что на свои изданія Духновичу приходилось всегда жертвовать собственныя деньги, то надо сознаться, что онъ весьма много сдѣлалъ для русской народности и заслуживаетъ полной признательности русскихъ.

Къ полезнымъ дѣятелямъ на полѣ русской народности надо причислить еще Александра Павловича, приходскаго священника села Свидникъ пряшевской епархіи, который разными статьями и стихами, согрѣтыми всегда духомъ патріотизма, не мало содѣйствовалъ развитію народнаго чувства.

Между тѣмъ Добрянскій, сомнѣвался въ

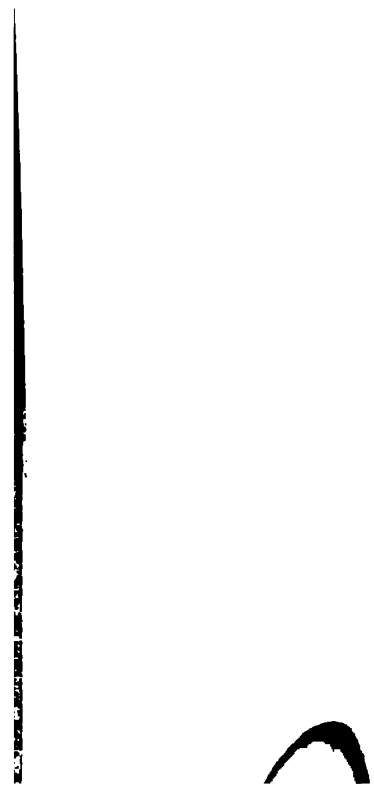
постоянств. обстоятельствъ, благопріятныхъ для русскихъ, не терялъ времени и усердно развивалъ въ Ужгородѣ свою дѣятельность. Онъ поспѣшилъ ввесть русскій языкъ въ администрацію, отъ мадьяръ, желающихъ поступить на службу требовалъ знанія русскаго языка, многія должности замѣстилъ русскою молодежью, къ чему употребилъ большую часть семинаристовъ; болѣе даровитыхъ помѣщалъ тамъ, гдѣ они могли лучше выказать свои способности и удобнѣе поступать на высшія должности; онъ поощрялъ русскихъ къ любви народнаго языка, народныхъ обычаевъ и къ наукамъ. Въ его управленіе появились никогда невиданныя въ Венгріи русскія надписи улицъ Ужгорода, по деревнямъ же таблицы съ такими же надписями ихъ названій. По его ходатайству разрѣшено тогда же въ ужгородской гимназіи читать нѣкоторые предметы на русскомъ языкѣ. Эта усердная дѣятельность не могла остаться безуспѣшною. Молодежь русская, начавшая уже сознавать свою народность, стала наполнять школы, и въ непродолжительномъ времени составился значительный, сравнительно съ малочисленностью населенія, кружокъ свѣтской

русской интеллигенціи. Уничтоженіе крѣпостнаго права позволило заводить сельскія училища, которыя дѣйствительно и стали быстро открываться, такъ что ужгородская препарандія не успѣвала уже доставлять требуемыхъ учителей. Во всемъ этомъ не малая доля заслуги принадлежитъ епископу Поповичу, который споспѣшествовалъ этому движенію и нравственно и, какъ выше сказано, пожалованіемъ семинарскихъ стипендій учащейся въ пештскомъ университетѣ русской молодежи, въ которой поддерживалъ и скрѣплялъ народный духъ священникъ Раковскій, а послѣ него Добрянскій, переѣхавшій на жительство въ Пештъ.

О. Іоаннъ Раковскій, священникъ мукачевской епархіи, занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ между поборниками русской народности въ Венгріи. Стараніями Добрянскаго, ему повѣрено было переводить на русскій языкъ издаваемые законы и для сего назначено жить въ Пештѣ. Тутъ онъ познакомился съ О. В. М. Войтковскимъ, русскимъ священникомъ при надгробной часовнѣ Великой Княгини Александры Павловны, супруги Эрцъ-герцога Іосифа палатина венгерскаго, построенной въ Кромѣ

въ 12-ти верстахъ отъ Пешта. Съ помощью О. Войтковскаго, Раковскій сдѣлалъ большіе успѣхи въ изученіи русскаго языка, и ему же давалъ для исправленія свои переводы законовъ. Отъ религіознаго мадьярскаго общества »Св. Стефана«, занимающагося изданіемъ книгъ духовно-католическаго содержанія на всѣхъ языкахъ Венгріи и даже не подозрѣвавшаго, что языкъ венгерской Руси тотъ же, что и языкъ русскій въ Россіи, Раковскому удалось выхлопотать необходимое пособіе для періодическаго изданія, и онъ сталъ издавать »Газету церковную.« Изъ этого изданія такъ и вѣяло духомъ православія и благорасположенія къ Россіи, и хотя сначала и помѣщались въ немъ ультрамонтанскія статьи іезуита Мартинова, но къ нимъ прибавлялись всегда примѣчанія въ чисто-православномъ духѣ. Спустя 2 года, общество св. Стефана съ ужасомъ узнало, что Раковскій пишетъ свою газету на московскомъ языкѣ и сейчасъ отказало ему въ своей поддержкѣ. О. Раковскій продолжалъ однакожъ изданіе газеты, хотя доводилось ему поддерживать ее изъ скуднаго своего жалованья 500 руб. въ годъ, пока, въ слѣдствіе

(какъ увѣряли) доклада О. Шашкевича, бывшаго тогда совѣтникомъ министерства вѣроисповѣданій, нынѣ препозита капитула перемышльскаго въ Галиціи и въ то время бывшаго еще подъ вліяніемъ уніятскаго ультрамонтанизма, Раковскій не былъ отрѣшенъ отъ должности переводчика законовъ, а чрезъ то не лишенъ возможности жить въ Пештѣ. Такъ прекратилось изданіе »Церковной Газеты.« Стараніемъ Раковскаго напечатана въ Пештѣ краткая грамматика Духновича, съ исправленіемъ правописанія на основаніи чисто-русской ортографіи, на что покойный сначала негодовалъ, но въ послѣдствіи былъ и самъ доволенъ этою перемѣною. Около Раковскаго и Добрянскаго группировалась довольно многочисленная русская молодежь, посѣщавшая пештскій университетъ или занимавшая въ Пештѣ нѣкоторыя должности, и жадно проникалась народнымъ и православнымъ ихъ духомъ. Лишенный своей должности, Раковскій возвратился въ мункачевскую епархію и получилъ отъ Поповича приходъ, при которомъ живетъ и въ настоящее время, всегда твердо отстаивая народность и Церковь русскую статьями, которыя помѣщались въ »Свѣтѣ« и »Словѣ«.



Дѣятельность русскихъ патріотовъ безпокоила мадьяръ; они съ ужасомъ смотрѣли на это движеніе, котораго главнымъ виновникомъ почитали Добрянскаго. Низкими доносами и стращая правительство Россіею, они успѣли до такой степени подорвать довѣріе его къ Добрянскому, что онъ попалъ въ немилость, былъ удаленъ отъ должности Наджупана и какъ бы разжалованъ въ секретари одного отдѣла конциліи въ Пештѣ. Но эта мѣра не могла подавить проснувшійся уже народный духъ, явно покровительствуемый епископомъ Поповичемъ, духъ, которымъ увлекся даже и Гаганецъ, пряшевскій епископъ, послушный прежде дуновенію вѣтра высшихъ сферъ. Молодежь, пропитанная чувствомъ народности, подрастала; составлялись ряды новыхъ поборниковъ, къ которымъ пристали даже многіе изъ старшихъ священниковъ, слывшихъ до того времени мадьяроманами. Изъ младшаго поколѣнія выдавались болѣе или менѣе даровитые труженики. Но не доставало еще средоточія народной дѣятельности—публичныхъ учрежденій, долженствовавшихъ упрочить эту дѣятельность; необходимость ихъ всѣми чувствовалась.

До 1848 г. существовали въ Ужгородѣ, кромѣ семинаріи, два русскія учебныя заведенія, по крайней мѣрѣ по имени: конвиктъ, для священническихъ сиротъ и препарандія, т. е. школа дьяконо-учителей. Проснувшееся въ томъ году чувство народности повліяло и на эти заведенія и оживотворило ихъ тѣмъ же духомъ. Около шестидесятыхъ годовъ, по иниціативѣ Добрянскаго и подъ покровительствомъ пряшевскаго епископа Гаганца, составилось въ Пряшевѣ общество »св. Іоанна Крестителя,« цѣлью котораго было вспомоществовать русской молодежи, учащейся въ Пряшевѣ, и поддерживать въ ней народный духъ. Предсѣдателемъ своимъ общество избрало Добрянскаго, и это предсѣдательство, по ежегодному избранію остается за нимъ, кажется, и по настоящее время. Основаніе подобнаго общества въ Пряшевѣ было, какъ нельзя болѣе, удачно и весьма необходимо, ибо большая часть молодежи пряшевской епархіи обучается въ Пряшевѣ, городѣ на самой окраинѣ русского населенія, гдѣ уже не говорятъ по-русски, гдѣ, слѣдственно, безъ такой поддержки чувство русской народности не только не находило бы для

себя никакой пищи, но напротивъ глохло бы все болѣе и болѣе, благодаря усиліямъ недруговъ. Вся русская интеллигенція духовная и свѣтская приняла живое участіе въ этомъ обществѣ, такъ что оно въ непродолжительномъ времени было уже въ состояніи купить домъ и помѣстить въ немъ до 50 учениковъ, которыхъ народность охраняется и развивается правилами заведенія и, непосредственно, русскими настоятелями. Въ заведеніе принимаются болѣе даровитые бѣдные русскіе ученики безъ различія сословій, одни на полное содержаніе общества, другіе своекоштными пансіонерами и полупансіонерами, нѣкоторымъ же дается отъ заведенія только столъ.

Почти въ тоже время, въ Ужгородѣ подъ покровительствомъ епископовъ Поповича и Гаганца образовалось литературное общество »св. Василія В.«. И здѣсь предсѣдателемъ избранъ Добрянскій, а главнымъ его помощникомъ О. Раковскій. Главною цѣлью общества было: пробуждать и скрѣплять русскую народность путемъ литературной дѣятельности. Въ самое короткое время, поступило болѣе 200 человѣкъ въ члены общества. Оно

признало русскій литературный языкъ своимъ языкомъ, начало издавать еженедѣльную литературную газету »Свѣтъ«, ежегодно календарь и другія сочиненія, какъ напр. русскую грамматику Сабова, всемірную исторію переводъ съ нѣмецкаго Кимака и пр. Явились молодые труженики, нѣкоторые изъ нихъ съ большими дарованіями. Въ »Свѣтѣ« кромѣ Раковскаго писали: іеромонахъ Кралицкій, нынѣ игуменъ мункачевскаго монастыря, Игнатко, первый редакторъ »Свѣта«, Сабовъ составитель грамматики, Кимакъ,—эти трое изъ учителей ужгородской гимназіи,—чиновникъ Гомичко, священникъ Сильваи, подъ псевдонимомъ Уріеля Метеора, Владиміръ Фенцикъ, Мондокъ, Ринаи и многіе другіе. Общество преуспѣвало и благодатное вліяніе его ощущалось по всей венгерской Руси, всеобщимъ пробужденіемъ народнаго духа. Смерть Поповича около 1864 г. и послѣдовавшія за ней интриги добивающихся митры канониковъ Гаджеги, Чопея и ультрамонтанскаго воспитанника пештскаго университета учителя семинаріи Тота раздѣлили русскихъ на два враждебные лагеря и нанесли большой вредъ народному дѣлу. Но

грустная, незавидная честь разстройства его виолић принадлежитъ Панковичу, преемнику Поповича.

Сынъ русскаго священника Стефанъ Панковичъ, окончивъ въ Ужгородѣ съ слабымъ успѣхомъ семинарскія науки, въ прохожденіе которыхъ отличался только довольно хорошимъ пѣніемъ, попалъ, по какой-то протекціи, домашнимъ учителемъ въ одно аристократическое мадьярское семейство. Оттуда перешелъ учителемъ же въ домъ графа Нико, очень богатаго, измѣнившаго православію и народности серба и сдѣлавшагося латинянином и мадьяромъ. Борьба претендентовъ за мункачевскую митру послужила въ пользу Панковича. Высшіе мадьярскіе кружки видѣли въ немъ хорошее орудіе къ осуществленію своей любимой мечты: мадьяризаціи славянъ. Министерство назначило домашняго учителя инспекторомъ школъ съ титуломъ архимандрита, и немедленно затѣмъ онъ былъ провозглашенъ мункачевскимъ епископомъ. Понятно, что онъ не задумался принять съ покорностію всѣ условія, направленныя къ подавленію русской народности, когда вмѣстѣ съ митрою обѣщано было еще не щадить для

него ни почестей, ни государственной казны. Чего еще могъ желать человѣкъ, привыкшій въ аристократическихъ домахъ жить пышно, роскошно и подражать аристократическимъ манерамъ? Онъ надѣялся (кажется по плану, начертанному мадьярскимъ правительствомъ, ибо онъ самъ не придумалъ бы этого), что пышной, роскошной обстановкой, соря почестями и деньгами, на которыя правительство обѣщало не скупиться для великаго мадьярскаго подвига, онъ успѣетъ привлечь къ себѣ значительную часть духовенства и интеллигенціи русской и, съ ихъ содѣйствіемъ, мадьяризовать и обратить въ латинство весь народъ. Панковича не затрудняли его неспособность и крайняя неопытность въ веденіи епархіальныхъ дѣлъ; все это можно свалить на викарія: пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. Еще до его пріѣзда въ Ужгородъ, стали перестроивать епископскія палаты съ аристократическимъ комфортомъ; а пышный его въѣздъ, почти театральная въ церкви движенія, въ которыхъ проглядывало подражаніе аристократическимъ манерамъ, его трикратное назначеніе себя крестомъ—по русски, по католически и по мадьярски и пер-

вая рѣчь его на мадьярскомъ языкѣ въ русской церкви и къ русской паствѣ, все это грустно поразило и возмутило всѣхъ искреннихъ русскихъ, предчувствовавшихъ въ немъ заклятаго врага всего русскаго. И неудивительно, вращаясь почти всю жизнь въ мадьярскомъ обществѣ, дышащемъ неумолимою ненавистью ко всему русскому, могъ ли онъ принесть своей русской паствѣ что либо, кромѣ презрѣнія ея народности, языка и ея самой?

Согласно указанному свыше плану дѣйствій и собственной наклонности, Панковичъ началъ жить на широкую ногу. Пышными обѣдами и ужинами, на которые всегда приглашалъ каоедральныхъ каноников (и даже вмѣнялъ имъ въ обязанность участвовать въ нихъ) и другихъ лицъ изъ духовенства и свѣтскихъ, онъ скоро привлекъ ихъ къ себѣ. Тамъ развязно, весело лилось мадьярское слово (русское не было терпимо даже въ передних); тамъ онъ указывалъ на щедрыя милости, которыми правительство было готово чрезъ него надѣлять счастливую мункачевскую епархію. Иногда съ добродушною веселостью, онъ осмѣивалъ посты и обряды восточной церкви, но при этомъ не

забывалъ заявлять свою преданность паствѣ и церкви. И въ самомъ дѣлѣ, милости правительства не заставили ждать себя; онѣ посыпались щедро, во первыхъ на самого Панковича, а вслѣдъ затѣмъ и на его поклонниковъ. Епископа произвели въ самый высокій въ Австріи чинъ тайнаго совѣтника, пожаловали высшими австро-венгерскими орденами: св. Стефана и Желѣзной Короны первой степени. Не жалѣли для него и денегъ; при каждой поѣздкѣ въ Пешть получалъ онъ по нѣскольку десятковъ тысячъ гульденовъ; получилъ довольно большой надѣлъ лучшей земли близъ Ужгорода; получалъ дрова изъ казенныхъ лѣсовъ, всего и не перечислишь. За владыкою пришла очередь и его приверженцевъ: міряне, примкнувшіе къ нему, получали, по ходатайству его, хорошія мѣста въ государственной службѣ; каноники получили довольно значительную прибавку жалованья, имъ розданы архимандріи, даже какія-то воздушныя—inter limites Hungariae et Galiciae, не говоря уже о томъ, что лучшими приходами и другими мѣстами, которыми владыка могъ самъ располагать, были награждены льстивые его поклонники. Все это составляло весьма привлекательное искушеніе,

и многихъ оно всколебало: всѣ каноники, а за ними всѣ честолюбцы и сребролюбцы примкнули къ епископу, сдѣлались его поклонниками, и такимъ путемъ составилась довольно значительная епископская партія, прозванная »Вичпурщиной«. Панковичу надо было еще подѣйствовать на сельскихъ священниковъ и народъ, поразить ихъ своимъ аристократическимъ величіемъ и возбудить въ нихъ обожательное уваженіе къ своей высокой особѣ; для этого предпринималъ онъ поѣздки по своей епархіи. Съ дружиною 60—80 человѣкъ своихъ почитателей наѣзжалъ онъ на домъ убогаго приходскаго священника и требовалъ отъ него пышнаго, роскошнаго пріема, для того, какъ выражался, чтобъ цивилизовать грубый русскій народъ. Бѣдный священникъ долженъ былъ истратить нѣсколько сотъ гульденовъ, которые не одному приходилось брать въ займы, чтобы поплатиться за урокъ владычней цивилизаціи. Мадьяры ликовали, восхищались пресловутымъ епископомъ. Сколько разъ ни возвращался онъ изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Пешть (ему наскучило жить въ Ужгородѣ), они всегда встрѣчали его льстивыми рѣчами, факельнымъ ходомъ и серенадами.

Но въ то же время группировались и друзья русской народности. Ихъ средоточіемъ было общество св. Василія и независимый его органъ, газета »Свѣтъ«. Они начали заявлять сильное противодѣйствіе; Панковичу надо было, во что бы то ни стало, разрушить этотъ оплотъ русскаго элемента, и тѣмъ болѣе, что въ »Свѣтѣ« стали появляться враждебныя ему и насмѣшливыя статьи, какова напр. статья подъ заглавіемъ Крайцерова комедія» Уріеля Метеора, въ которой въ лицѣ стариаго брамина Вичпура превосходно былъ представленъ самъ Панковичъ. Начались гоненія: редактора »Свѣта« Игнатка, учителя ужгородской гимназіи, по требованію Панковича, правительство перемѣстило въ Левочу, между словаковъ; редакція перешла къ священнику Сабову, тоже учителю гимназіи, и человѣку семейному; но, боясь за свое существованіе, онъ долженъ былъ отказаться отъ нея. Редакцію принялъ на себя Кимакъ холостой мірянинъ, тоже учитель гимназіи. Онъ придумалъ и началъ издавать еще другую, юмористическаго содержанія, газету, подъ заглавіемъ »Сова». Она отличалась остротою и колкими насмѣшками надъ Панковичемъ и остроумно

и многихъ оно всколебало: всѣ каноники, а за ними всѣ честолюбцы и сребролюбцы примкнули къ епископу, сдѣлались его поклонниками, и такимъ путемъ составилась довольно значительная епископская партія, прозванная »Вичпурщиной«. Панковичу надо было еще подѣйствовать на сельскихъ священниковъ и народъ, поразить ихъ своимъ аристократическимъ величіемъ и возбудить въ нихъ обожательное уваженіе къ своей высокой особѣ; для этого предпринималъ онъ поѣздки по своей епархіи. Съ дружиною 60—80 человѣкъ своихъ почитателей наѣзжалъ онъ на домъ убогаго приходскаго священника и требовалъ отъ него пышнаго, роскошнаго пріема, для того, какъ выражался, чтобъ цивилизовать грубый русскій народъ. Бѣдный священникъ долженъ былъ истратить нѣсколько сотъ гульденовъ, которые не одному приходилось брать въ займы, чтобы поплатиться за урокъ владычней цивилизаціи. Мадьяры ликовали, восхищались пресловутымъ епископомъ. Сколько разъ ни возвращался онъ изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Пештъ (ему наскучило жить въ Ужгородѣ), они всегда встрѣчали его льстивыми рѣчами, факельнымъ ходомъ и серенадами.

Но въ то же время группировались и другія русской народности. Ихъ средоточіемъ было общество св. Василія и независимый его органъ, газета »Свѣтъ«. Они начали заявлять сильное противодѣйствіе; Панковичу надо было, во что бы то ни стало, разрушить этотъ оплотъ русскаго элемента, и тѣмъ болѣе, что въ »Свѣтѣ« стали появляться враждебныя ему и насмѣшливыя статьи, какова напр. статья подъ заглавіемъ Крайцерова комедія» Уріеля Метеора, въ которой въ лицѣ стараго брамина Вичпура превосходно былъ представленъ самъ Панковичъ. Начались гоненія: редактора »Свѣта« Игнатка, учителя ужгородской гимназіи, по требованію Панковича, правительство перемѣстило въ Левочу, между словаковъ; редакція перешла къ священнику Сабову, тоже учителю гимназіи, и человѣку семейному; но, боясь за свое существованіе, онъ долженъ былъ отказаться отъ нея. Редакцію принялъ на себя Кимакъ холостой міряшинъ, тоже учитель гимназіи. Онъ придумалъ и началъ издавать еще другую, юмористическаго содержанія, газету, подъ заглавіемъ »Сова«. Она отличалась остротою и колкими насмѣшками надъ Панковичемъ и остроумно

непродолжительномъ времени, по ходатайству Эрцъ-Герцога, правительство назначило Добрянскаго первымъ совѣтникомъ намѣстничества въ великомъ Варадѣ, откуда, какъ отличнаго чиновника, перевели его совѣтникомъ конциліи въ Пештъ и наконецъ сдѣлали совѣтникомъ—референтомъ венгерской канцеляріи въ Вѣнѣ, что почти равнялось званію министра. Занимая эти различныя должности, Добрянскій не забывалъ своего народа и всегда трудился для его пользы. Онъ по возможности помѣщалъ въ государственной службѣ и возводилъ на высшія должности чиновниковъ русской народности; выхлопоталъ денежныя пособія многимъ церквамъ, народнымъ школамъ и учащейся молодежи, ободрялъ, поощрялъ народную дѣятельность и ся поборниковъ. Разгромъ при Садовѣ и послѣдовавшій за нимъ австро-мадьярскій дуализмъ заставили Добрянскаго подать въ отставку, но въ отставкѣ ему отказали. Когда же всѣ уловки мадьяръ перетянуть его въ свой лагерь не удались и даже письмо самого императора не поколебало его рѣшенія, тогда оставили его en disponibilité, съ частью его жалованья. Добрянскій

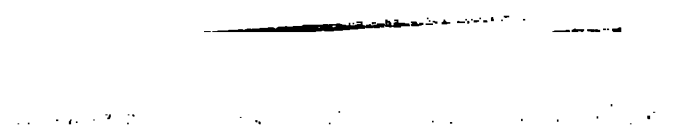
купилъ имѣніе въ лаборской долинѣ, въ земплинскомъ комитатѣ, возлѣ самой границы Галиціи и отдался хозяйственнымъ занятіямъ. Въ созванной державной венгерской думѣ онъ занялъ мѣсто депутата отъ Маковицы, шаришскаго комитата, и во главѣ славянской, хотя малочисленной, оппозиціи храбро отстаивалъ интересы славянъ, особенно же русскаго народа, за что удостоился свирѣпой ненависти мадьяръ, дошедшей до покушенія на его жизнь. Къ счастію, выстрѣлъ не попалъ въ цѣль. Въ то время, по многимъ мѣстностямъ населеннымъ русскими, собирались митинги, на которыхъ присутствовали русскіе священники, интеллигенція и народъ и подписывали петиціи съ требованіемъ полной народной автономіи. Эти петиціи представляли державной думѣ Добрянскій и другіе русскіе выборные (депутаты). Дума не обращала на нихъ вниманія, но онѣ благотворно дѣйствовали на народъ: пробуждая въ немъ чувство народности. На слѣдующую сессію державной думы Добрянскій не предложилъ себя кандидатомъ въ депутаты и поселился въ своей деревнѣ.

Латинская церковь въ Венгріи, благодаря внутреннему своему устройству, отчуждающему ее отъ общества и государства, стала съ нѣкотораго времени изнемогать и терять вліяніе на народъ. Высшія сословія и интеллигенція стали относиться къ ней равнодушно, а многіе даже враждебно; чрезмѣрныя же богатства епископовъ и высшаго духовенства возбуждали общее негодованіе и упреки. Министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій Этвешъ, предвидя плохія послѣдствія такого состоянія, придумалъ собрать католическую автономическую думу, составленную изъ епископовъ и довѣренныхъ духовенства и народа, чтобы опредѣленіемъ отношеній мірянъ къ духовенству и установленіемъ учрежденій, сближающихъ ихъ другъ къ другу, связать тѣснѣе интересы церкви и народа и тѣмъ скрѣпить ее. Въ эту думу приглашены были и довѣренные отъ двухъ русскихъ епархій съ ихъ епископами. Большинство русскихъ довѣренныхъ состояло изъ людей народной партіи: Евгеній Поповичъ судья, Еммануилъ и Павелъ Грабары-адвокаты, священникъ Молчаній письмоводитель пряшевскаго епископа, нынѣ живущій въ Росіи и др., и во главѣ ихъ Добрянскій. Меньшинство составляли: канонникъ Гаджега, засѣдатель главнаго суда Негребецкій и нѣсколько поклонниковъ Панковича, которые и поддерживали его. Пряшевскій епископъ Гаганецъ, больше сочувствующій партіи народной, стоялъ на нейтральной почвѣ. Большинство депутатовъ, основываясь на томъ, что русская церковь въ Венгріи приступила къ уніи съ Римомъ на извѣстныхъ условіяхъ, принятыхъ папами римскими, требовало: полной автономіи русскихъ епархій и устройства ихъ согласно съ условіями, утвержденными папами. Панковичъ и его приверженцы шли рука объ руку съ епископами латинскими. Панковичъ однажды такъ увлекся, что публично высказалъ, что его церковь есть римско-католическая и только употребляетъ другой языкъ въ богослуженіи; понятно, что противъ этой нелѣпости большинство энергически протестовало. Требованія большинства русскихъ довѣренныхъ не были приняты въ уваженіе латино-мадьярскимъ большинствомъ думы; однако и Панковичу не везло на ея засѣданіяхъ. Ораторы русскаго большинства въ своихъ рѣчахъ гласно и остро упрекали

его въ противународныхъ и несвященническихъ его дѣйствіяхъ. Латинскіе епископы требовали, чтобы онъ публично оправдался. Онъ и покусился сказать въ засѣданіи рѣчь въ оправданіе себя, но Добрянскій сейчасъ же возразилъ ему и, ссылаясь на историческія данныя, каноны соборовъ и буллы папъ, доказалъ думѣ полное невѣжество Папковича въ исторіи и церковныхъ законахъ. Рѣчь эта вызвала не одну злую улыбку у членовъ собранія, видѣвшихъ невѣжество прославляемаго мадьярами епископа.

Приверженцы Папковича, чтобъ какъ нибудь оправиться и поддержать его, пригласили своихъ единомышленниковъ, возведенныхъ Папковичемъ въ санъ благочинныхъ, собирать съѣзды священниковъ своихъ округовъ и склонять духовенство къ выраженію полнаго довѣрія епископу и одобренія его дѣйствій, а равно принятаго имъ въ автономической думѣ положенія. Два, болѣе омадьярившіяся благочинія: уйгельское и сабольчанское, исполнили въ точности это требованіе; прочіе же благочинные округи или молчали, или заявляли желанія, несходныя съ мнѣніями Папковича, или даже высказывали полное согласіе съ программой русскаго большинства думы. Откровеннѣе всѣхъ выступило духовенство берегскаго комитата, созванное протоіереемъ тогожъ комитата Іоанномъ Дешко, въ мѣстѣ его жительства, Мункачѣ. Собраніе, какъ и слѣдовало ожидать, вполнѣ одобрило мнѣніе и дѣйствія большинства довѣренныхъ русскихъ, ибо многіе изъ духовенства этого комитата, какъ напр., игуменъ Кралицкій, благочинный Маркошъ, Метеоръ, Фенцикъ, благочинный Дулишкевичъ, Сабовъ, и многіе другіе, всегда считались усерднѣйшими поборниками русскаго дѣла въ Венгріи. Совѣщанія автономической думы не имѣли никакихъ послѣдствій. Опредѣленія, принятыя ея русскимъ большинствомъ и встрѣтившія сопротивленіе высшаго латинскаго духовенства, не иначе могли получить законную силу, какъ съ утвержденія державной думы и императора, но на этомъ пути они такъ затерялись, что и слухъ о нихъ простылъ.

Неудачи и полное фіаско, которыя потерпѣлъ Папковичъ въ автономической думѣ, раздражили его до крайности. Онъ видѣлъ въ обществѣ св. Василія главную опору со-



противленія его планамъ; поэтому онъ напрягъ всѣ усилія своей партіи, чтобы его разрушить. Всѣ приверженцы епископа, даже такіе, которымъ и не снилось никогда о литературѣ, вступили въ члены общества. Они не обинуясь и во всеуслышаніе говорили, что епископъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями, что онъ сдѣлалъ бы многое для общества, но въ настоящее время онъ ничего не можетъ, такъ какъ предсѣдатель общества—лицо недостойное, *persona ingrata* въ отношеніи къ правительству и мадьярамъ. Изъ этого заключали, что стоитъ только замѣнить предсѣдателя и его товарища лицами болѣе угодными высшей власти, и милости правительства, стараніями Панковича, посыплются на общество, какъ изъ рога изобилія; оно будетъ процвѣтать, принесетъ благотворные плоды для русскаго народа, сдѣлается его эльдорадомъ. Въ доказательство благихъ намѣреній владыки, они ссылались на полученныя уже имъ милости для епархіи и на тѣ, которыя онъ надѣялся еще получить; но прибавляли, что онъ дѣйствуетъ осмотрительно, не хочетъ раздражать напрасно мадьяръ, какъ это дѣлаетъ Добрянскій *et consortes*. Такими-

то туманными надеждами соблазняли они простодушныхъ, недальновидныхъ русскихъ. Не смотря однакожъ на все это, общество, изъ года въ годъ, избирало огромнымъ большинствомъ въ предсѣдатели Добрянскаго, а въ товарищи ему,—Раковскаго. Вичпуриина и мадьяры негодовали, сердились; не разъ даже заявляли свое негодованіе кошачьею музыкой, которую послѣ засѣданія давали предъ квартирою Добрянскаго; но это всегда какъ-то случалось послѣ его отъѣзда изъ Ужгорода. Въ 1871 году партія Панковича употребила всѣ свои силы, чтобы смѣстить Добрянскаго и такимъ образомъ покончить съ обществомъ. Задолго до собранія общества разносились грозныя вѣсти, что, если Добрянскій появится въ Ужгородъ на собраніе, то онъ подвергнется опасности жизни. Но онъ не устрашился угрозъ и въ назначенный срокъ пріѣхалъ въ сопровожденіи 22-лѣтняго сына и 7 преданныхъ ему лицъ изъ ляборской долины. Всѣ приверженцы Панковича явились въ засѣданіе, но все-таки, навѣрное, остались бы въ меньшинствѣ, если-бы не прибѣгли къ хитрой уловкѣ. Они потребовали явной подачи голосовъ, не сомнѣваясь, что такимъ об-

разомъ имъ удастся многихъ отстранить отъ нея, по ихъ малодушію, а другихъ заставить подать голосъ за ихъ кандидата, тѣмъ болѣе, что капошкъ Данковичъ, приспѣшникъ владыки и другія близкія къ нему лица зорко слѣдили за подачею голосовъ. Ихъ надежды исполнились: большинство членовъ, не дерзая явно выступить противъ желаній владыки и чтобы не навлечь на себя его гнѣва и мести, оставили засѣданіе, другіе воздержались отъ подачи голосовъ. Баллотировка предсѣдателя осталась такимъ образомъ въ рукахъ поклонниковъ Панковича, и только 18 человѣкъ не преклонили колѣна предъ Вааломъ и явно высказались за Добрянскаго. Такою только хитростью епископская партія успѣла избрать въ предсѣдатели Негребецкаго, засѣдателя главнаго суда въ Пештѣ, и въ товарищи ему адвоката Маркона, управляющаго ужгородскими казенными имѣніями. Побѣду Панковича увѣнчало гнусное, злодѣйски затѣянное, дѣло, въ которомъ небезосновательно подозрѣвали участіе Панковича. Уже на капунѣ засѣданія, въ гостинницѣ, гдѣ квартировалъ Добрянскій, видѣли нѣсколько гонведовъ (мадьярскихъ солдатъ), шляющихся по всѣмъ угламъ и шлянствующихъ, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Въ самый день засѣданія, тѣ же гонведы съ утра явились опять въ гостинницу и пьянствовали. Послѣ засѣданія, Добрянскій остался обѣдать у одного священника, сынъ же его съ прочими спутниками его, въ томъ числѣ и съ пишущимъ эти строки, отправился обѣдать въ гостинницу, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда уѣхать и по пути взять Добрянскаго. Когда мы отобѣдали, молодой Добрянскій вышелъ посмотрѣть, готовы ли лошади. Вдругъ пьяные гонведы, освѣдомясь, что это карета Добрянскаго и что вышедшій изъ гостинницы—Добрянскій, не зная, что есть другой Добрянскій, на котораго они именно были подосланы, бросились на него и стали его рубить саблями. Шумъ, поднятый приспѣвшимъ народомъ, устрашилъ ихъ и заставилъ бѣжать. Когда мы, не подозрѣвая ничего, вышли на дворъ, то увидѣли бѣднаго юношу перепуганнаго, облитаго кровью, и раненаго въ голову, руку и ногу. По осмотрѣ оказалось, что раны были глубокія, но неопасныя. Правосудіе мадьярское съумѣло повести дѣло такъ, что жалующи-

ки злодѣйства остались неизвѣстны, а исполнители безъ наказанія. Нѣкоторые изъ приверженцевъ Панковича проболтались, что и другимъ лицамъ, между ними въ томъ числѣ и передающему это грустное событіе, было приготовлено такое же наставленіе.

Обѣщанія и предсказанія о процвѣтаніи общества св. Василія, послѣ удаленія Добрянскаго, не сбылись. Лишенное сотрудничества усердныхъ и преданныхъ народнымъ пользамъ людей, оно заснуло летаргическимъ сномъ и не давало никакихъ признаковъ жизни, но Панковичъ ликовалъ, торжествовалъ.

Но ничто не вѣчно въ этомъ мірѣ. Прошло два года, и слава Панковича померкла. Неумѣстное подражаніе аристократическимъ пріемамъ, тщеславіе и гордость его возбудили негодованіе ужгородскихъ мадьяръ, и намъ пишутъ, что возвратившагося въ нынѣшнемъ году изъ Пешта Панковича они приняли уже не факельнымъ ходомъ, но устроили ему великолѣпную кошачью музыку. Всѣ его приверженцы и поклонники, начиная съ каноников, отстранились отъ него и явно выступаютъ противъ его дѣйствій. Даже самъ Даниловичъ, созданіе Панковича, и тотъ сдѣлался самымъ ярымъ его противникомъ. При немъ осталось лишь нѣсколько незначительныхъ лицъ! Правительство пока еще покровительствуетъ ему, но и оно, когда убѣдится, что это орудіе сдѣлалось безполезнымъ, ненужнымъ, навѣрное отступится отъ него.—Такая перемѣна мнѣній благотворно повліяла на общество св. Василія В., которое начинаетъ давать опять признаки здоровой жизни. Въ собраніи настоящаго года въ предсѣдатели избранъ бывшій судья Евгеній Поповичъ, въ товарищи же ему Лядомірскій и Даниловичъ, каноники пряшевскій и мукачевскій, и въ письмоводители Уріель Метеоръ. Общество напечатало уже календарь на 1874 г. и начало издавать газету «Карпатъ», которая приняла направленіе прежняго «Свѣта», но по причинѣ малаго числа подписчиковъ нуждается во внѣшней поддержкѣ.

Какую судьбу готовитъ будущность этой малой, но такъ храбро отстаивающей свою народность, вѣтви великаго русскаго народа, предсказать нельзя. Но во всякомъ случаѣ,